Ганс Христиан Андерсен

Счастливое семейство

Самый большой лист в нашем краю, конечно, лист лопуха. Наденешь его на животик — вот тебе и передник, положишь в дождик на голову — зонтик! Вот какой он большущий, этот лопух! И он никогда не растет в одиночку, а всегда уж где один — там и другие, роскошество, да и только! И вся эта роскошь — кушанье для улиток! А самих улиток, белых, больших, кушали в старину важные господа. Из улиток приготовлялось фрикасе, и господа, кушая его, приговаривали: "Ах, как вкусно!" Они и впрямь думали, что это ужасно вкусно, так вот, большие белые улитки ели лопух, потому и стали сеять лопух.

В одной старинной барской усадьбе уже давно не ели улиток, и они все повымерли. А лопух не вымер. Он рос себе да рос, и ничем нельзя было его заглушить. Все аллеи, все грядки заросли лопухом, так что и сад стал не сад, а лопушиный лес. Никто бы и не догадался, что тут прежде был сад, если бы не торчали еще где яблонька, где сливовое деревцо. Вот в этом-то лопушином лесу и жила последняя пара старых-престарых улиток.

Они сами не знали, сколько им лет, но отлично помнили, что прежде их было очень много, что они иностранной породы и что весь этот лес был насажен исключительно ради них и их родичей.

Старые улитки ни разу не выходили из своего леса, но знали, что где-то есть еще нечто, называемое "господским двором", что там улиток варили до тех пор, пока они не почернеют, а потом клали на серебряное блюдо. Что было дальше, они не знали. Впрочем, не представляли они себе и того, что значит свариться и лежать на серебряном блюде, и предполагали только, что это чудесно и необыкновенно аристократично. И ни майский жук, ни жаба, ни дождевой червь, которых они об этом спрашивали, ничего не могли сказать им: никому из них еще не приходилось лежать в вареном виде на серебряном блюде.

Что же касается самих себя, то улитки отлично знали, что они, старые белые улитки, самые знатные на свете, что весь лес растет только для них, а усадьба существует лишь для того, чтобы их можно было варить и класть на серебряное блюдо.

Жили улитки уединенно и счастливо. Детей у них не было, и они взяли на воспитание улитку из простых. Приемыш их ни за что не хотел расти — он был ведь из простых, но старикам, особенно улитке-мамаше, все казалось, что он заметно увеличивается, и она просила улитку-папашу, если он не замечает этого на глаз, ощупать раковину малютки. Папаша щупал и соглашался.

Как-то раз шел сильный дождь.

— Ишь как барабанит по лопуху! — сказал улитка-папаша.

— И капли-то какие крупные! — сказала улитка-мамаша. — Вон как текут вниз по стеблям! Увидишь, как здесь будет сыро! Как я рада, что и у нас и у нашего сынка такие прочные домики! Нет, что ни говори, а ведь нам дано больше, чем любым другим тварям. Сейчас видать, что мы созданы господами. У нас уже с самого рождения есть свои дома, для нас насажен целый лопушиный лес! А хотелось бы знать, как далеко он тянется и что там за ним?

— Ничего за ним нет! — сказал улитка-папаша. — Уж лучше, чем у нас тут, нигде и быть не может. Я, во всяком случае, лучшего не ищу.

— А мне, — сказала улитка-мамаша, — хотелось бы попасть на господский двор, свариться и лежать на серебряном блюде. Этого удостаивались все наши предки, и уж поверь, это что-то особенное.

— Господский двор-то, пожалуй, давно развалился, — сказал улитка-папаша, — или весь зарос лопухом, так что людям и не выбраться оттуда. Да и к чему спешить? Ты вот вечно спешишь, и сынок наш туда же, на тебя глядя. Вон он уже третий день все ползет и ползет вверх по стеблю. Просто голова кружится, как поглядишь!

— Ну, не ворчи на него! — сказала улитка-мамаша. — Он ползет осторожненько. Вот, верно, будет нам утеха под старость лет, нам ведь больше и жить не для чего. Только ты подумал, откуда нам взять ему жену? Что, по-твоему, там дальше в лопухах не найдется ли кого из нашего рода?
— Черные улитки есть, конечно, — сказал улитка-папаша. — Черные улитки без домов. Но ведь это же простонародье. Да и много они о себе воображают. Впрочем, можно поручить это дело муравьям: они вечно бегают взад и вперед, точно за делом, и, уж верно, знают, где искать жену для нашего сынка.
— Знаем, знаем одну красавицу из красавиц! — сказали муравьи. — Только вряд ли что-нибудь выйдет — она королева.
— Это не беда! — сказали старики. — А есть ли у нее дом?
— Даже дворец! — сказали муравьи. — Чудесный муравейник, семьсот ходов.
— Благодарим покорно! — сказала улитка-мамаша. — Сыну нашему не с чего лезть в муравейник! Если у вас нет на примете никого получше, мы поручим дело белым мошкам: они летают и в дождь и в солнышко, знают лопушиный лес вдоль и поперек.
— У нас есть невеста для вашего сына! — сказали белые мошки. — Шагах в ста отсюда на кусте крыжовника сидит в своем домике одна маленькая улитка. Живет она одна-одинешенька и как раз невестится. Это всего в ста человечьих шагах отсюда!
— Так пусть она явится к нашему сыну! У него целый лопушиный лес, а у нее всего-навсего какой-то куст!
Послали за улиткой-невестой. Она отправилась в путь и на восьмой день путешествия благополучно добралась до лопухов. Вот что значит чистота породы!
Справили свадьбу. Шесть светляков светили изо всех сил. Вообще же свадьба была тихая: старики терпеть не могли суеты и шумного веселья. Зато улитка-мамаша произнесла чудесную речь — папаша не мог, так он был растроган. И вот старики отдали молодым во владение весь лопушиный лес, сказав при этом, как они и всю жизнь говорили, что лучше этого леса ничего нет на свете, и если молодые будут честно и благородно жить и плодиться, то когда-нибудь им или их детям доведется попасть на господский двор, и там их сварят дочерна и положат на серебряное блюдо. Затем старики заползли в свои домики и больше уж не показывались — заснули.
А молодые улитки стали царствовать в лесу и оставили после себя большое потомство. Попасть же на господский двор и лежать на серебряном блюде им так и не довелось. Вот почему они решили, что господский двор совсем развалился, а все люди на свете повымерли. Никто им не противоречил — значит, так оно и было. И вот дождь барабанил по лопуху, чтобы позабавить улиток, солнце сияло, чтобы зеленел их лопух, и они были очень счастливы, и все семейство их было счастливо. Вот так.